

...Когда из Дагомеи мы летели в Габон, у наших товарищей-журналистов появилась мысль о возможности встречи с доктором Альбертом Швейцером, всемирно известным человеком. Но как попасть в его знаменитый госпиталь в селении Ламбарене, находящемся на берегу Огове, за экватором?

Полет туда труден и даже в какой-то степени рискован. Препятствовали грозовые разряды, к тому же из-за низкой облачности посадка в Ламбарене могла оказаться невозможной. Однако, несмотря на все это, мы наняли небольшой восьмиместный самолет и решили лететь, предварительно запросив по радио Швейцера, может ли он сегодня (22 декабря 1961 года) принять нас, советских туристов. Ответ был скорый и положительный: «Добро пожаловать, рад буду видеть советских гостей. Прошу. Альберт Швейцер».

В советской печати о Швейцере писалось мало. Но кое-что нам удалось узнать. Родился он в 1875 году в Эльзасе в семье священника. Получил образование в Страсбургском, Парижском и Берлинском университетах, стал доктором медицины, философии и права. Его перу принадлежат труды по эстетике, философии и т. п. После изучения тропической медицины в Парижском университете он полвека назад основал больницу в джунглях Африки и посвятил свою жизнь спасению негров от тяжелых, смертельных заболеваний, распространению которых способствовал влажный тропический климат и тяжелые условия существования.

Почетный доктор европейских университетов, лауреат Нобелевской премии, Альберт Швейцер является неутомимым и бесстрашным борцом за дело мира. Он горячо поддержал советские предложения о прекращении ядерных испытаний и о всеобщем разоружении. Наши симпатии оказались на стороне Швейцера.

280-километровый полет от Либревилья до Порт-Жантиля в устье Огове, где находится Ламбарене, проходил над великолепными тропическими лесами и извилистыми лентами рек. Среди этого зеленого массива изредка проглядывали серенькие хижины габонцев.

Там, в этой дикой глуши, протекала своя, незнакомая нам, своеобразная жизнь людей, лишенных по милости колонизаторов элементарных благ культуры, знаний, которыми пользуется большинство человечества. Я задумался о том, что видел здесь. На память пришли строки из книги Грэма Грина «Путешествие без карты», в которых он сжа-

* Из книги К. Коничева «Там, где рвут оковы рабства» (Л., 1962, стр. 93—108).

то и метко характеризовал вековечное прозябание лишенных культуры и грамотности африканцев, живущих в условиях тропического климата. «Любовь была здесь рукой, обвинившей вокруг шеи, судорожным объятием в дыму хижины; богатство — кучкой кокосовых орехов; старость — язвами и проказой; религия — несколькими камнями в центре селения, под которыми покоится прах умерших вождей, человеком в маске и соломенной юбке, плясавшим вокруг погребального костра...»

К перечисленному Гринном, пожалуй, следовало бы добавить многоженство, если позволяют средства, изощренную с надрезами татуировку, дешевые побрякушки, привезенные из Европы, танцы бедер и живота под музыку, которую может исполнить всякий, ударяя палкой по пустой жестянке...

Не раз во время путешествия по Африке приходилось нам бывать в селениях и видеть все это. Хотелось верить, что уже недолго африканским братьям жить в отсталости, терпеть невзгоды и лишения, что скоро вся Африка сбросит с себя политический и экономический гнет колониализма.

Занятый своими мыслями, я не заметил, в каком месте мы пересекли линию экватора. Случись это в океане, по морской традиции была бы совершена церемония с возданием должных почестей морскому богу Нептуну. В воздушном океане такой традиции еще не сложилось. Летчик не затруднил себя даже фразой: «Месье, мы перевалили за экватор». Хотя, собственно, перелет этой линии не занял и одной минуты. Наше внимание в это время было отвлечено возгласом одного из товарищей:

— Братцы! Смотрите: слоны на водопой вышли!..

Мы летели на небольшой высоте, поэтому отчетливо могли видеть эту необычную для нас картину.

Горы, густо заросшие джунглями, сменились глубокими впадинами, пересеченными извилистыми реками. Вот в зелени леса показались крыши невысоких зданий. Летчик обернулся к нам и крикнул:

— Ламбарене! Ламбарене... Швейцер!

Пролетев над больничным городком, мы приземлились за широкой рекой Огове на узкой площадке, способной принимать самолеты с малым разбегом.

На правом берегу тихой, глубоководной Огове расположены лесные фактории колонизаторов, католическая и протестантская церкви, одноэтажные жилые дома, похожие на склады. Все эти постройки скрыты густыми зарослями тропического леса, нависшего над угрюмой мутной рекой. Непосредственно к госпиталю нас доставил катер. Во время пути мы замечали высывающиеся из воды головы и спины каких-то неведомых нам существ. Ни моторист-габонец, ни летчик-француз не могли объяснить нам — рыбы это или животные. Видимо, они не опасны, если по реке беззаботно снуют узкие выдолбленные из черного дерева лодчонки.

Катер подошел к каменной стенке причала. Среди пришедших встречать мы сразу заметили сухощавого с густыми седыми усами старика в легком белом костюме из сурового полотна. Это и был знаменитый Швейцер, жизнерадостный и приветливый.

— Здравствуйте, русские друзья. Впервые вижу русских в Ламбарене*. Прошу ко мне в гости, — сказал он по-немецки, сняв с головы пробковый шлем и кланяясь.

Двое наших туристов накануне почти целую ночь готовили напыщенную речь, и сейчас один из них пытался ее произнести, но Швейцер, добродушно улыбаясь, отмахнулся:

— Избавьте меня от речей. Я люблю, чтобы вокруг меня было все просто, в обращении тем более. Я здесь хозяин, слушайте меня и не возражайте против моих предложений...

Распорядившись приготовить для гостей обед, он повел нас в больничный городок. При входе мы увидели большую толпу полуголых африканцев. Среди них были и больные и здоровые, которые сопровождали своих заболевших родственников. Им приходилось неделями идти по джунглям и пробираться на утлых челноках по рекам.

В день нашего прибытия в госпитале насчитывалось около пяти-сот пациентов, страдающих от разных болезней. Родственники больных, расположившись недалеко от госпиталя в джунглях огромным табором, терпеливо ждут выздоровления своих близких, питаются плодами тропических деревьев и рыбой, которой много водится в реке.

На небольшой возвышенности недалеко от входа в узкие улочки больничного городка Швейцер остановился и, показывая на прибрежные окрестности, сказал:

— Здесь я начал работать с 1913 года... И с тех пор я покидаю эти места только для редких поездок в Европу. Прежде мой госпиталь находился за проливом в дельте. Там поселились миссионеры, а мне пришлось перебраться сюда, где мы сейчас находимся. Госпиталь не получает помощи от какого-либо государства. Он существует на средства богатых благотворителей. Имена филантропов и суммы их пожертвований высечены на гранитных столбах. Это наша бухгалтерия. Лечение африканцев, разумеется, бесплатное...

Внимательно слушая Альберта Швейцера, неторопливо, по-старчески шедшего впереди нас, я с восхищением думал о подвиге этого благородного гуманиста, посвятившего всю свою жизнь спасению африканцев от смертельных заболеваний, вызываемых в тропиках мухой цеце. Доктор увлеченно рассказывал нам о принципах своей системы лечения:

— Как видите, у меня нет специальных зданий и палат для больных. Лечение проводится в таких же условиях, в каких туземцы живут в своих лагунгах, им не надо привыкать к необычной обстановке. Все

* К. И. Коничев был в одной делегации с Н. А. Португаловым.



Доктор Швейцер, сотрудница
Союза обществ дружбы Раиса
Кольцова (слева), кандидат
экономических наук Ирина
Ястребова

здесь соответствует требованиям их житейского общежития. У меня осуществляется такое правило: больным и здоровым африканцам — полная свобода действий, сохраняется простота их нравов и быта, все дозволяется, кроме, конечно, поступков, приносящих зло человеку, а также запрещается торговля. Чем торговать и зачем, когда дары здешней природы дают человеку бесплатное питание...

На минуту Швейцер задержался возле дощатой хижины на бревенчатых столбах, из которой выглянула большая человекообразная обезьяна. Увидев посетителей, она выскочила из своего жилища и, гремя цепью, приковыляла к нам.

Обезьяна оказалась инвалидом. Правая рука у нее была оторвана то самое плечо. Встав во весь рост, она почему-то обняла одного из журналистов и крепко прижала левой рукой к своей мохнатой груди. Журналист храбрился, но, видимо, не испытывал большого удовольствия от столь внезапного и небезопасного объятия.

Швейцер прикрикнул на обезьяну, она послушно забралась по столбу обратно в свою лачугу.

— Глупая,— пояснил он,— попала по ошибке в капкан, поставленный на леопарда, и вот стала инвалидом. Пришлось ампутировать и вылечить. Пусть живет. У нас тут и леопарды водятся в окрестностях. Нередко эти опасные «соседи» подходят близко к госпиталю, но мы всегда узнаем о приближении их заблаговременно.

— Как же они дают о себе знать? Рычат? — спросили мы доктора.

— Нет. Замечаем по тревожному состоянию коз и антилоп. Животные начинают бесноваться, искать себе убежище, прятаться где попало. А это значит — леопард близко.

Подошла бледная женщина-врач со следами утомления на лице. Она что-то сказала доктору. Швейцер извинился, пообещал через некоторое время встретиться снова и поручил своей помощнице провести нас по госпиталю.

Бесконечные ряды хижин-палат, поставленных вплотную одна к другой.. Построены они самыми разнообразными способами и из всевозможных материалов — из досок, фанеры, из жестяных листов, просто из древесных прутьев, из земли, смешанной с камышом. В зданиях европейского типа расположены столовая, служебные помещения, операционные, квартиры персонала госпиталя и кабинет самого Швейцера.

Мы видели здесь людей, страдающих от самых различных заболеваний — тропической дизентерии, желтой лихорадки, пораженных мухой цеце, душевнобольных, запертых в особых клетках, женщин, пришедших рожать под наблюдением медицинских сестер. Видно, не очень они надеялись на силу амулетов и металлических крестиков, висящих у них на шее. Только прокаженные изолированы от остальных.

Все пациенты разделяются не по роду заболеваний, а по племенным признакам. В госпитале оказались больные из пятидесяти племен, говорящих на разных диалектах, были даже пигмеи, языка которых никто не понимал.

Доступ к незаразным больным свободен для их родственников. Они часто их навещают, приносят фрукты и рыбу, испеченную на кострах.

Среди врачей, проходящих практику в тропическом госпитале,— медики, прибывшие из Англии, Франции, Германии. Для всех них существует нерушимое правило: кроме родного языка каждый обязан знать один европейский и три африканских. И только один врач по фамилии Биссаугави — африканец. Он более тридцати лет работает у Швейцера....

Мы осмотрели и рабочий кабинет Швейцера. Это — светлая комната с большими окнами, занавешенными кисеей от проникновения опасных насекомых. Письменный стол завален корреспонденцией, журналами, бандеролями, поступающими со всех концов света.

Деятельность Швейцера поразительно многообразна, а круг интересов необычайно широк. Помимо занятий медициной он пишет мемуа-

ры, философские сочинения и музыкальные композиции. Огромные знания уживаются у него каким-то образом с религиозными представлениями, не враждуя между собой. Рядом с портретом Дарвина в его кабинете висит распятие. Конечно, он понимает, что гости — атеисты, но это не мешает ему быть приветливым, любезным и гостеприимным хозяином.

— Друзья, прошу вас к обеду, — пригласил нас доктор.

Покинув кабинет, мы идем по обширному двору, где в тени вечно-зеленых деревьев разгуливают крупные птицы, а за проволочной сеткой пасутся антилопы. Во дворе много собак, к некоторым из них короткими цепями привязаны мартышки. Забавно было наблюдать, как, догнав своих поводырей, мартышки ловко вскакивали на спины собак и верхом разъезжали по саду и узким улочкам больничного городка.

Показывая на лихо скачущих «всадников», Швейцер шутливо, но не без серьезной иронии заметил:

— Это моя любимая кавалерия. Я желал бы, чтобы везде в войсках другой кавалерии, более «воинственной», не было. Надо высоко ценить жизнь людей...

Подходя к столовой, мы обратили внимание на большую обезьянку, которая, соблюдая строгий порядок, снимала шляпы и пробковые шлемы с тех, кто хотел пройти в столовую в головном уборе. Она напяливала их на свою голову, отбегала в угол сада и там складывала в кучу.

Мартышки-наездницы, обезьяны в роли «вахтеров» и «швейцаров» — все это было необычно и потешно.

За столом в ожидании Швейцера сидели все тридцать медиков-европейцев. По заведенному порядку никто не прикасался к пище до тех пор, пока доктор не займет своего места и не прочтет «Отче наш». Быстро и бесшумно негры подавали кушанья. Но виноградного вина, вопреки французским обычаям, не было. У женщин на плечах во время обеда сидели многоцветные попугаи, а под столом расположились собаки.

После обеда, когда медики разошлись по своим делам, Швейцер остался побеседовать с нами. На вопросы он отвечал не торопясь, вдумчиво и осторожно. Швейцер говорил, что он не проявляет большого интереса к проблемам развития стран Африки, что он в Ламбарене «сидит, как мышь в норе», и дальше Габона ничего не видит (?). Может быть, и не совсем тактично вовлекать доктора в беседу на политические темы, но один из наших журналистов повторил вопрос о проблемах развития молодых африканских республик, сказав, что к голосу Швейцера прислушиваются во всем мире. Добродушно улыбаясь, доктор шутливо ответил:

— Поэтому я и опасаясь наговорить лишнего...

Против производства и применения атомного оружия Швейцер выступал страстно и убежденно:

— Надо, чтобы все люди поняли необходимость полного уничтожения этого зла, которое может привести человечество к гибели. Разум и совесть народов должны победить в борьбе с ним. Одних дипломатических мер недостаточно... И едва ли дипломаты смогут решить вопрос о всеобщем разоружении, для этого им не хватает взаимного доверия. Главное оружие — совесть и нравственность народа. Об этом следует говорить повсюду. Пусть все человечество знает, что атомное оружие несовместимо с нравственностью, что оно может быть истреблено только общими, всенародными усилиями...

После беседы Швейцер водил нас по амбулаториям госпиталя. Мы не решались фотографировать и стеснялись просить разрешения. Заметив это, он сказал:

— Пожалуйста, фотографируйте все, что вам заблагорассудится.

После этого наши фотоаппараты защелкали на каждом шагу, все нам казалось интересным.

В послеобеденный час жизнь в госпитале и в окрестном таборе замерла. Настало время всеобщего отдыха. Не только люди, но и животные притихли.

Швейцер провел нас в обширный плодовый сад. Долгие годы создавал он его, оставляя нужные деревья, вырубая ненужные и пересаживая на их место плодовые.

— Частичку плодов разворовывают ребяташки,— говорил Швейцер, но тут же заметил, оправдывая малолетних воришек:

— Им ведь неинтересно пользоваться тем, что дают. И вы были детьми и знаете, что украденный плод, даже незрелый, кажется вкуснее, потому что добыт самостоятельно, вопреки запрету взрослых. Хотя должен оговориться, дети негров берут не больше того, что требуется для «пробы».

Показывая незнакомые деревья, Швейцер пояснял:

— Это калебас, сейба с корнями на поверхности, манго, пальмы различных видов, банановые деревья... А вот знаменитая колючая фагора, она умеет постоять за себя. Никто даже из самых вороватых ребяташек не осмелится прикоснуться к ней. Не советую и вам. Очень больно колется...

Свои объяснения Швейцер сопровождает добродушными шутками. Вот и сейчас он говорит, улыбаясь:

— Дорогие друзья мои, приехав в Россию, не говорите там, что Швейцер — идеалист. Вы видите, я люблю и признаю деревья не за красоту, а главным образом за их плоды, за пользу, которую они приносят человеку, значит, если судить по-вашему, я — материалист...

Нам приходилось поражаться тому, как местное население при его отсталости отлично разбирается во всех породах и свойствах деревьев, несмотря на огромное разнообразие тропической растительности. Африканцы знают, какую пользу можно извлечь из листьев, корней, плодов и семян. Им ведомо, какое дерево пригодно для постройки хи-

жин, лодок, для изготовления предметов домашнего употребления. Им известны и лечебные свойства растений. Эти познания выработались у них в результате многовекового опыта. Человек здесь неразделим с природой. От нее он получает все в натуральном виде — пищу, жилье, напиток, лекарство, яд, противоядие, волокно растений для ручного ткацкого производства.

Мы имели возможность убедиться, что методы народной медицины, основанные на глубоком практическом познании целебных свойств тропических растений, не чужды постоянному внимательному наблюдению доктора Швейцера, заслуженно пользующегося почетом, уважением и любовью признательных африканцев.

Завершение осмотра сада совпало с окончанием часа отдыха в госпитале. Об этом возвестил сигнал, который производила женщина-медик, ударяя деревянной колотушкой по металлическим предметам различной величины, подвешенным на ветвях большого дерева. На эти звуки, напоминающие перезвон колоколов католического костела, со всего городка и окрестного табора сбжалось около пятнадцати собак, которые стали подвывать под звон отбоя до тех пор, пока звон не прекратился, после чего они разбежались, виляя хвостами.

Послышался говор и шум, стук тесаков по дереву, треск сучьев, заиграло пламя костров, повеяло запахом свежей и печеной рыбы. Снова ожил госпиталь.

Провожая нас к причалу, Швейцер посетовал на то, что ему уже не придется осуществить дальнейшие планы по благоустройству госпиталя. Как-никак, восемьдесят семь лет — возраст, когда человек подводит итоги своей деятельности.

Мы поблагодарили доктора за гостеприимство, пожелали ему доброго здоровья и оставили разные сувениры. Среди подарков были медальоны с изображением Ленина, Пушкина и памятника Петру Первому. Подарки понравились. Разглядев конную статую Петра, Швейцер похвалил монумент работы Фальконе, известный ему по фотографиям.

Сотрудники принесли большой мешок бананов.

— Это вам в путь-дорогу, дорогие друзья,— сказал Швейцер.

Катер доставил нас к стоянке самолета, и через час мы вылетели обратно в Либревиль.

Летчик сделал прощальный круг над Ламбарене и покачал крыльями. Мы были настолько взволнованы, что забыли на летной площадке подарок Швейцера — мешок с фруктами. Боюсь, как бы не обиделся доктор на нашу непростительную забывчивость...

Путешествие в Экваториальную Африку было завершено. Приятно сознавать, что именно мы явились первыми представителями Советской страны в молодых республиках африканского континента, только что получивших независимость.